

А.Н. Круглов

Фигурное, символическое и созерцающее познание. Ч. II: От Хр.А. Крузия к И. Канту

Круглов Алексей Николаевич – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры истории зарубежной философии философского факультета. Российский государственный гуманитарный университет. Российская Федерация, 125047, г. Москва, Миусская пл., д. 6; e-mail: akrouglov@mail.ru

Наиболее развернутый альтернативный Хр. Вольфу взгляд на соотношение символического и созерцающего познания представлен в работе «Путь к достоверности и надежности человеческого познания» Хр. А. Крузием, отдававшим приоритет созерцающему виду познания и связавшим его с деятельностью воображения. И. Кант в «Критике чистого разума» совершает терминологическую революцию и меняет само рассмотрение проблемы. Идущее от работ Ф. Виета и Г.В. Лейбница искусство “*speciosa generalis*”, относившееся ранее исключительно к символическому, чаще всего буквенному, анализу, превращается у Канта в фигурный синтез, носящий априорный характер. Вслед за изменением в понимании природы чувственности и рассудка Кант отказывается от противопоставления интуитивного или созерцающего символическому в пользу противопоставления интуитивного дискурсивному, а созерцания – рассудочному понятию. Фигурный синтез как результат деятельности трансцендентальной способности воображения вместо былой эмпирической образности создает саму схематическую возможность появления эмпирического образа как такового. Но при всей глубине кантовская позиция невольно отбросила в тень важную программу Вольфа по редукции символического познания к квази-интуитивному, которая сегодня может иметь практическую значимость в новых условиях и придать вопросу наглядности познания новые краски.

Ключевые слова: символическое познание, созерцающее познание, фигурный синтез, *speciosa*, воображение, образ, схема, Г.В. Лейбниц, Хр. Вольф, Хр.А. Крузий, И. Кант

Альтернатива традиции Вольфа: Христиан Август Крузий

Несмотря на весь вес традиции Христиана Вольфа, сформулировавшего в развитии идей Готфрида Вильгельма Лейбница своеобразное учение о фигурном и созерцающем познании, – этому была посвящена первая часть статьи¹, – вскоре после выхода в свет первого издания Вольфовой «Немецкой метафизики» (1720)

¹ См.: Круглов А.Н. Фигурное, символическое и созерцающее познание. Ч. I: От Ф. Виета и Г.В. Лейбница к И.Г. Ламберту // История философии / History of Philosophy. 2022. Т. 27. № 2. С. 27–41.

стали появляться и полемические сочинения, ставящие под сомнение многие его утверждения. Так, Даниэль Штрэлер в «Испытании “Немецкой метафизики”» (1723) подверг сомнению то преимущество, которое Вольф отдавал символическому или фигурному познанию над созерцающим [см.: Strähler, 1723, S. 46–51, §39–42]. В свою очередь, Якоб Фридрих Мюллер в «Ответе на Штрэлерово испытание “Немецкой метафизики”» (1726) усомнился в универсальности тезиса Вольфа о том, что всякое наше символическое познание происходит из интуитивного, ибо в таком случае далеко не обо всех вещах мы бы располагали символическим познанием, поскольку интуитивное знание возможно лишь в сильно ограниченных пределах [см.: Müller, 1726, S. 120–121, §51].

Но наиболее развернутую альтернативу учению Вольфа создал Христиан Август Крузий во второй половине XVIII в. На первый взгляд, в своем «Пути к достоверности и надежности человеческого познания» (1747, ²1762) он придерживается того же самого различия Вольфом двух типов знания. Однако каждый из этих двух типов характеризуется им таким образом, что фактически Крузий по каждому серьезному вопросу отстаивает противоположную точку зрения. Само различие выглядит у него так: с одной стороны, созерцающее, или интуитивное и несимволическое, познание (*intuitiva, asymbolica cognitio*), а с другой стороны, символическое, или знаковое, познание [см.: Crusius, 1762, S. 354, §184]. В созерцающем познании «вещь представляется посредством того, что она есть сама по себе». В символическом же познании «вещь представляется не посредством того, что она есть сама по себе, а посредством других понятий, которые способны давать о ней знак...» [Ibid., S. 354–355, §184]. Знания о нашей душе Крузий, как и Вольф, относит, скорее, ко второму виду познания, в то время как знание о геометрических фигурах – к первому. Согласно Крузию, «ни об одной полноценной вещи у нас нет в отношении всех обстоятельств созерцающего познания. Но мы также не могли бы вовсе мыслить вещи, если бы не обладали относительно некоторых обстоятельств созерцающим мышлением» [Ibid., S. 359, §186]. Полностью созерцающее познание возможно только в отношении неполноценных, или абстрагированных, вещей. В отличие от Вольфа, чем больше созерцающего познания вещи, тем она, согласно Крузию, более отчетлива и полноценна. Однако сфера распространения созерцающего познания все же относительно невелика. Имеются и принципиально недоступные для созерцающего познания конечных существ предметы, к которым относится, в частности, Бог. Если же невозможно иметь о некоей вещи созерцающего познания, то следует полагаться на познание символическое.

Если Вольф основное внимание уделил описанию хода символического или фигурного познания и его правилам, то Крузий, напротив, довольно подробно рассматривал некоторые требования к созерцающему познанию, обойденному вниманием у его главного оппонента. Резюмировать эти правила можно следующим образом. Явным признаком созерцающего познания является внутреннее ощущение принудительности мыслить, что то, что мы мыслим, есть вещи сами по себе, а не знаки. В отношении полноценных вещей со множеством обстоятельств у нас созерцающего знания быть не может, однако так называемые простейшие понятия крузианской онтологии оказываются все же предметами созерцающего познания. В случае же неразложимых идей ощущений мы не можем с уверенностью сказать, в какой мере там присутствует именно созерцающее познание. Чем больше наше созерцающее познание вещи, тем отчетливее наши понятия. Но при этом следует опасаться того, чтобы путать слова, пустые на идеи, с символическим познанием, а также требовать применения созерцающего познания в неподобающей ему сфере. И при всех достоинствах созерцающего познания не следует думать, будто символическое познание вовсе недостаточно для достоверности.

В отличие от Вольфа Крузий отрицает универсальность геометрического, или математического, метода и еще до Канта отстаивает наличие у философии собственного метода, отличного от математического. В том числе поэтому в философии Крузий отдает предпочтение именно созерцающему познанию, в связи с чем у него нередко встречаются обороты: «не созерцающее, а всего лишь символическое или знаковое познание» [Crusius, 1766, S. 177, §102]. Другая важная деталь в позиции Крузия – связь созерцающего познания с воображением. Нельзя сказать, что Вольф ее совершенно проигнорировал, однако она явно была для него второстепенным вопросом. В первом смысле воображение, по Крузию, – это «способность рассудка иметь о чем-то абсолютное и созерцающее познание», противопоставляемая «символическому познанию, т.е. негативным и относительным понятиям» [Ibid., S. 196–197, §118]. Во втором же смысле воображение есть некое ошибочное смятение и смешение наших представлений, наваждение, вводящее нас в заблуждение. Но только первый смысл воображения относится к созерцающему познанию.

Способность воображения Крузий определяет в качестве «силы рассудка, посредством которой живо помысленная идея одновременно делает живыми другие идеи в рассудке» [Crusius, 1762, S. 182, §101]. И в разъяснении этой способности воображения Крузий насчитывает еще больше значений у понятия воображения, включая два дополнительных. Во-первых, под воображением понимают некое помутнение, ошибочное представление (т.е. второй смысл воображения, указанный выше). Во-вторых, под ним понимают силу, которая оживляет идеи видимых объектов в то время, когда они отсутствуют в актуальном сознании. В-третьих, под воображением может пониматься «способность рассудка мыслить нечто абсолютно и позитивно, способность воображения, и противопоставляемая тому, что рассудок представляет себе в недетерминированных, относительных и негативных понятиях» [Ibid., S. 183, §101] (т.е. первый смысл воображения, указанный выше). Наконец, в-четвертых, под воображением может пониматься способность рассудка образовывать неполноценные идеи.

Таким образом, у Крузия приоритет отдается не символическому, а созерцающему познанию, при этом последнее тесно увязывается с деятельностью воображения, а способность воображения приписывается рассудочной сфере.

Кант о созерцании, образе, схеме и фигурном синтезе

Что из учения о символическом и интуитивном познании своих предшественников и современников усвоил, учел, переосмыслил или отбросил Кант и как он изменил само рассмотрение проблемы? В том, что Кант был знаком с учением Лейбница о символическом и интуитивном познании, с немецкой терминологией «фигурное – созерцающее», предложенной Вольфом, а также той дальнейшей трансформацией, которую данная проблематика претерпела в сочинениях А.Г. Баумгартена, Г.Ф. Майера и некоторых других современников, нет никаких сомнений. Однако с самого начала Кант относился к кругу вышеописанных вопросов и терминов творчески, переосмысливая их параллельно с развитием своей трансцендентальной философии. Правда, и в собственных новациях он мог опираться на ряд идей, уже высказанных его современниками, – в частности, о рассмотрении символического и интуитивного познания сквозь призму априорного и апостериорного познания у И.Н. Тетенса, а также о связи символического и интуитивного познания с деятельностью воображения у Крузия.

Новый, характерный для критической философии взгляд на интуитивное появляется у Канта уже как минимум в его габлиитационной диссертации 1770 г. Правда, если опираться на ее перевод, выполненный Б.А. Фохтом и опубликованный

в собраниях сочинений Канта в 1964 и 1994 гг., понять это можно лишь с трудом. §10 диссертации начинается здесь так: «Человеку дано не *созерцание* рассудочного, а только *познание* его *символов*, и уразумение возможно для нас только через общие понятия в абстрактной форме, а не через посредство единичных в конкретной форме» [Кант, 1964, с. 395, §10; Кант, 1994а, с. 290, §10]. Предыдущий вариант Н.О. Лосского 1910 г. звучал иначе, нежели у Фохта: «*Интуиция* умопостигаемого мира недоступна (человеку); нам дано только *символическое* познание его; наше мышление возможно только при помощи общих понятий в абстрактной форме, а не при посредстве единичных в конкретной форме» [Кант, 1910, с. 12, §10]. Для того чтобы указать на трудности имеющихся переводов, следует процитировать сам кантовский оригинал: “Intellectualium non datur (homini) *intuitus*, sed nonnisi *cognitio symbolica*, et intellectio nobis tantum licet per conceptus universales in abstracto, non per singularem in concreto” [Kant, 1912, S. 396, §10].

Список возможных возражений против обоих вариантов весьма длинный: опущенные Фохтом скобки в отношении человека, превращение и у Фохта, и у Лосского единичного (по аналогии) в единичные понятия, смешение Лосским интеллектуального и интеллигибельного и др. Но в контексте данного рассмотрения важнее другое: в переводе Фохта вообще не распознано противопоставление интуиции и символического познания; более того, символическое познание превратилось в познание то ли рассудочных, то ли человеческих символов. У Лосского же вроде бы имеется символическое познание, однако оно оказывается почему-то познанием умопостигаемого. Столь подробно перевод этого предложения меня заставляет разобрать не злорадное желание укорить заслуженных исследователей и переводчиков², очень много сделавших для кантоведения в России и достойных за это уж никак не порицания, а, напротив, благодарности. Цель этого разбора – задаться вопросом, почему столь образованные, эрудированные и глубокие мыслители, как Фохт и Лосский, равно как и редакторы А.В. Гулыга и М.И. Иткин, все как один споткнулись на этом кантовском предложении? Причина, на мой взгляд, состоит в том, что лейбнизианско-вольфовский контекст рассуждений Канта, столь естественный для него в 1770 г., настолько сильно был вытеснен как раз самим же кёнигсбергским философом в критические годы, что воспринимался в XX в. уже как какое-то недоразумение на фоне его же собственной философии.

Дальнейшие размышления все в том же §10 габилитации показывают направление, в котором Кант трансформировал бывшее противопоставление интуитивного или незнакового и символического или знакового: на его место заступают противопоставления чувственного и рассудочного познания, созерцания³ и понятия, интуитивного и дискурсивного, столь привычные нам сегодня. Разумеется, такое изменение было вряд ли возможно, если бы Кант остался в русле учения Лейбница о том, что различие чувственности и рассудка – лишь в степени отчетливости одной и той же познавательной способности, и не сформулировал собственное учение о чувственности и рассудке как качественно различных познавательных способностях. Одновременно с этим фигурное у Канта в дальнейших работах критического периода из словесного, буквенного, знакового превратилось в наглядное и, в каком-то смысле, образное или схематическое, которое, оказываясь результатом способности воображения, помогает в синтезирующей деятельности познания. В свою очередь,

² Моим собственным вариантом перевода был бы такой: «*Созерцание* рассудочного не дано (человеку), а только *символическое познание*, и познание рассудком для нас дозволено только посредством общих понятий in abstracto, а не посредством единичного in concreto». Ср. также переводы на другие языки: [Kant, 1870, S. 145; Kant, 1894, p. 55–56; Kant, 1998, S. 41; Kant, 1992, p. 389].

³ Причины правильного, на мой взгляд, перевода кантовского понятия “*Anschaung*” как созерцания, а не интуиции требуют специального обсуждения в ином месте.

подобная перемена вряд ли была бы возможна без Коперниканского переворота, оказываясь одним из его следствий. Так выглядят общие грубые контуры тех изменений, которые осуществил Кант. Для их полного прояснения потребовалась бы объемная специальная работа, а поэтому ниже я ограничусь лишь комментариями к некоторым аспектам кантовских трансформаций.

Перетолкование фигурного в сторону образа, чертежа или картинки и истолкование символа не как любого знака, а как, скорее, наглядного знака заметно у Канта в целом ряде печатных работ и черновых набросков. В замечаниях Канта на полях баумгартеновской «Метафизики», причем в разделе о *facultas characteristic*, имеются такие записи: «Созерцание противопоставляется не символическому, а познанию посредством понятий. Символическое представление скорее служит созерцанию. [...] Символ есть не прямое созерцание. Слова не являются символами, ибо они не дают никакого образа (Bild)» [Kant, 1923, S. 710]. Парадоксальная мысль Канта о символе как непрямом созерцании на фоне кантовских же утверждений непосредственности и прямоты как главных свойств созерцания, на мой взгляд, приближается к вольфовой задаче редукции символического познания к квази-интуитивному [Wolff, 1738, p. 226, §312]. В заметках на полях майеровского учебника по логике Кант увязывает воедино богатство образов (*bilderreich*) и фигурное [Kant, 1924, S. 62].

Те же переводчики «Критики чистого разума», которые в §24 трансцендентальной аналитики переводят “*figürlich*” как «фигурный», в аналитике основоположений [Kant, 1787, В 292; ср. также Kant, 1983, S. 994] почему-то поступают иным способом: «...мы должны наглядно (*figürlich*) обозначить время, как форму внутренняго чувства, линией, а внутреннее изменение представить себе как проведение этой линии (движение)...» [Кант, 1867, с. 217]. В отличие от процитированного варианта М.И. Владиславлева, Н.М. Соколов [Кант, 1897, с. 207], Н.О. Лосский [Кант, 1915, с. 171], Ц.Г. Арзаканян с М.И. Иткиным [Кант, 1994б, с. 184] при минимальных стилистических отклонениях вместо «наглядно» для “*figürlich*” используют «образно». Н.В. Мотрошилова же и Т.Б. Длугач предлагают объединенный компромиссный вариант: «...мы должны образно [фигурно] (*figürlich*) представлять себе время как форму внутреннего чувства посредством некоторой линии, а внутреннее изменение – посредством проведения этой линии (посредством движения)...» [Кант, 2006, с. 389]. Но если до сих пор – и до Канта, и у Канта – под фигурностью нередко понималась образность и наглядность, создаваемая нами самими в процессе познания, то в «Критике способности суждения» (1790) фигурность оказывается результатом творения природы: мы имеем дело с шифрованным письмом, «посредством которого природа образно (*figürlich*) говорит с нами своими прекрасными формами» [Кант, 2001, с. 395, §42; Kant, 1913, S. 301, §42].

Однако наиболее значимым источником новой кантовской интерпретации фигурного так и остался уже цитированный выше §24 трансцендентальной аналитики «Критики чистого разума», который появился лишь во втором издании 1787 г. Этот параграф вместе с разделом о схематизме чистых рассудочных понятий ставит пределы широкому толкованию фигурности как образности. Общая задача Канта здесь состоит в объяснении того, каким образом категории применяются к предметам чувств вообще. Для обретения объективной реальности категории должны применяться именно к таким предметам, которые даны человеку в чувственном созерцании. Кант проводит различие между двумя видами синтеза или связи – фигурным (*synthesis speciosa*) и рассудочным. Первый имеет отношение только к чувственному созерцанию, в то время как второй – к созерцанию вообще, хотя оба протекают априорно и обеспечивают возможность существования других априорных представлений, в силу чего оказываются еще и трансцендентальными.

Фигурный синтез Кант в дальнейшем называет трансцендентальным синтезом способности воображения. Последнюю он традиционно определяет как «способность представлять предмет в созерцании также и без присутствия этого предмета» [Кант, 2006, с. 225; Kant, 1787, В 151]. Хотя способность воображения «принадлежит к чувственности», однако «ее синтез есть приведение в действие спонтанности» [Кант, 2006, с. 225; Kant, 1787, В 151], которая все же есть уже характеристика рассудка. Таким образом, участие воображения оказывается критерием различения фигурного синтеза и рассудочного, или интеллектуального, синтеза. Способность воображения как спонтанность Кант называет также продуктивной способностью воображения, отличая ее от репродуктивной способности воображения, которая подлечит эмпирическим законам и относится, скорее, к психологии.

Но если сама связь рассудка и чувственности, форма созерцания даны еще до всякого чувственного созерцания в виде некоего связанного с рассудком созерцания вообще, то в определенное чувственное созерцание оно превращается «только через осознание определения внутреннего чувства при помощи трансцендентального действия способности воображения (синтетическое влияние рассудка на внутреннее чувство), называемого мной фигурным синтезом» [Кант, 2006, с. 229; Kant, 1787, В 154]. Но как именно из некоего созерцания вообще под воздействием фигурного синтеза возникает вполне определенное чувственное созерцание? В чем именно состоит действие фигурного синтеза? Кант иллюстрирует это так: «Мы не можем мыслить линию, не *проводя* ее мысленно, не можем мыслить окружность, не *описывая* ее, не можем представить себе три измерения пространства, не *проводя* из одной точки трех перпендикулярных друг другу линий, и даже время мы можем мыслить не иначе, как обращая внимание при *проведении* прямой линии (которая должна быть внешне фигурным представлением о времени) исключительно на действие синтеза многообразного, при помощи которого мы последовательно определяем внутреннее чувство, и тем самым имея в виду последовательность этого определения» [Кант, 2006, с. 229; Kant, 1787, В 154]. Таким образом, как и в вышеозначенном примере из аналитики основоположений, при иллюстрации времени Кант прибегает все к тому же проведению линии, однако в трансцендентальной аналитике русские переводчики сходятся в том, что называют это проведение фигурным, а не образным.

Но можно ли перечисленные кантовские примеры и в самом деле отнести к ряду эмпирических образов? Для ответа на этот вопрос, с моей точки зрения, имеет смысл посмотреть на содержательную связь этих рассуждений Канта с его учением о схематизме чистых рассудочных понятий. В нем Кант показывает различие между схемой и образом (Bild): «...если я полагаю пять точек одну за другой....., то это образ числа пять. Если же я мыслю только число вообще, безразлично, будет ли это пять или сто, то такое мышление есть скорее представление о методе, каким представляют в одном образе множество [...] сообразно некоторому понятию, чем сам этот образ [...]. Это представление об общем способе, каким способность воображения доставляет понятию его образ, я называю схемой этого понятия» [Кант, 2006, с. 259; Kant, 1787, В 179–180; Kant, 1781, А 140]. На что больше похожи продукты фигурного синтеза: на образы или же на схемы? Сам Кант прямого ответа на данный вопрос не дает, да и вообще не упоминает в разделе о схематизме фигурность. Можно лишь предположить, что это следствие различий между первым и вторым изданием «Критики чистого разума». Схематизм имелся уже в 1781 г. и сохранился без существенных изменений и в 1787 г., в то время как фигурный синтез появился лишь в 1787 г. в заново написанном разделе о трансцендентальной дедукции категорий.

Но можно попробовать точнее понять кантовскую позицию, разобрав вслед за Кёнигсбергским философом приводимые им примеры. Кант использует пример с треугольником, чем, вероятно, неявно отсылает к Крузию: «Понятию о треуголь-

нике вообще не соответствовал бы никакой образ треугольника. В самом деле, образ всегда ограничивался бы только частью объема этого понятия и никогда не достиг бы всеобщности понятия, благодаря которой понятие приложимо ко всем треугольникам – прямоугольным, остроугольным и т.п. Схема треугольника не может существовать нигде, кроме как в мысли, и означает правило синтеза воображения в отношении чистых фигур в пространстве» [Кант, 2006, с. 259; Kant, 1787, В 180; Kant, 1781, А 141]. Неоднократно обращается к примеру с треугольником в своей логике и Крузий. Для него треугольник выступает образцом созерцающего познания [см.: Crusius, 1762, S. 355, §184], а поэтому на первый взгляд кажется, что позиции Канта и Крузия существенно расходятся друг с другом. Тем не менее Крузий отмечает про треугольник: «...исчезнет всякое понятие о нем, если он должен быть чем-то иным, нежели фигурой, которая состоит из трех смыкающихся линий» [Ibid., S. 357–358, §185], однако в этом случае неясно, являются ли образующиеся таким образом стороны треугольника тремя равными, двумя равными и одним неравным или тремя неравными отрезками [см.: Ibid., S. 217, §122].

Тем самым у Крузия возникает проблема так называемых детерминированных и недетерминированных понятий: «*Детерминированным понятием* называется такое, которое и поскольку содержит в себе те детерминации, без которых оно не может мыслиться полноценно и отчетливо, и следовательно также не может существовать. *Недетерминированное понятие* то, в котором еще отсутствуют определенные детерминации, которые необходимы, чтобы его мыслить отчетливо и полноценно» [Ibid., S. 217, §122]. Если обратиться к упомянутому в первой части статьи сочинению Тетенса 1760 г., то можно сказать, что априорным образом в рамках созерцающего познания можно исследовать лишь детерминированные предметы. Но какие способы Крузий называет в случае недетерминированных понятий, дабы компенсировать их недостаток? Один из них предполагает привнесение в понятие возможных детерминаций, взятых из имеющихся конкретных примеров, другой – исключение из него неких детерминаций, которые к нему точно не относятся. Однако подобное привнесение осуществляется не в действительности, а с осознанием того, что детерминации «привносятся только из-за облегчения мыслей» [Ibid., S. 356, §184].

Еще один пример, разбираемый Крузием, – это кривая линия. Она описывается в качестве прямой линии, которая постоянно отклоняется от своего направления. Из самого понятия мы не можем знать, насколько велико это отклонение от прямой. В этой связи мы прибегаем к помощи восполнения ее неизвестных нам свойств, дабы приблизиться к ее неизвестным истинным определениям, насколько это возможно. Но подобное понятие будет являться символическим [см.: Ibid., S. 358, §185]. Если отбросить некоторые, хотя и существенные, детали, то можно обнаружить точки соприкосновения между таким способом наглядного прояснения «недетерминированных понятий» у Крузия с образованием схем у Канта. Сходство состоит в том, что как недетерминированные понятия требуют дополнения отсутствующими детерминациями для обретения полноценности их предмета, так и фигурный синтез выступает лишь неким каркасом, скелетом, который для полноценности образа также должен дополниться некоторыми конкретными свойствами. Кстати, это связывание, привязывание свойств и есть действие синтеза, чем, по-видимому, и объясняется тот терминологический разрыв, в соответствии с которым фигурность относится Кантом не к анализу, а именно к синтезу. Но при всех параллелях видны и важные отличия. Для Крузия подобная иллюстрация кривой линии является символическим, а не созерцающим познанием. Впрочем, не являлась бы у него созерцающим познанием и кантовская схема. Причина этого состоит в том, что ни наглядное прояснение по способу Крузия кривой линии, ни схема Канта не являются самими предметами, что противоречит дефиниции созерцающего познания. Кроме

того, иллюстрация Крузия на языке Канта – это скорее иллюстрация эмпирического образа, который оказывается возможным только при наличии схемы и априорного фигурного синтеза, лежащих в его основе.

Здесь и становится ясна глубина произведенных Кантом как терминологических, так и содержательных изменений: «...образ есть продукт эмпирической способности продуктивной силы воображения, а схема чувственных понятий (как фигур в пространстве) есть продукт и как бы монограмма чистой способности воображения *a priori*; прежде всего благодаря схеме и сообразно ей становятся возможными образы, но связываться с понятиями они всегда должны только при посредстве обозначаемых ими схем, и сами по себе они совпадают с понятиями не полностью» [Кант, 2006, с. 259–261; Kant, 1787, В 181; Kant, 1781, А 141–142]. Иными словами, фигурное у Канта как «скрытое в глубине человеческой души искусство» [Кант, 2006, с. 259; Kant, 1787, В 180; Kant, 1781, А 141] относится к априорной сфере, и лишь благодаря ему во взаимодействии чувственного и рассудочного становится возможным то эмпирическое фигурное, о котором говорит традиция Лейбница и Вольфа.

Но при всей глубине Канта можно обнаружить и некоторую ограниченность его позиции. Сознательно использовать в познании скрытое в душе искусство, истинный механизм которого нам вряд ли когда-либо удастся угадать у природы, – а именно так обстоит согласно «Критике чистого разума» дело с трансцендентальной способностью воображения, – весьма проблематично. И это искусство вряд ли можно использовать для прояснения многочисленной сферы аналитического, знакового, или символического, познания Лейбница – Вольфа, без которого мы никак не можем обойтись, даже располагая всеми глубокими средствами трансцендентальной философии Канта. И тогда новую практическую значимость начинает обретать полузабытая программа Вольфа, состоящая в редукции символического к квази-интуитивному.

Список литературы

- Кант, 1867 – Кант И. Критика чистого разума / Пер. с нем. М.И. Владиславлева. СПб.: Тип. Гиблена, 1867. 627 с.
- Кант, 1897 – Кант И. Критика чистого разума / Пер. с нем. Н.М. Соколова. СПб.: Издание книжного магазина М.В. Попова, ¹1897. 665 с.
- Кант, 1910 – Кант И. О форме и началах мира чувственного и умопостигаемого / Пер. Н.О. Лосского. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1910. 40 с.
- Кант, 1915 – Кант И. Критика чистого разума / Пер. с нем. Н.О. Лосского. Пг.: Типография М.М. Стасюлевича, ²1915. 464 с.
- Кант, 1964 – Кант И. О форме и принципах чувственно воспринимаемого и интеллигибельного мира / Пер. Б.А. Фохта // Кант И. Соч.: в 6 т. / Под общ. ред. В.Ф. Асмуса, А.В. Гулыги, Т.И. Ойзермана. Т. 2. М.: Мысль, 1964. С. 381–426.
- Кант, 1994а – Кант И. О форме и принципах чувственно воспринимаемого и интеллигибельного мира // Кант И. Соч.: в 8 т. / Под ред. А.В. Гулыги. Т. 2. М.: Чоро, 1994. С. 277–320.
- Кант, 1994б – Кант И. Критика чистого разума / Пер. с нем. Н.О. Лосского, сверка Ц.Г. Арзаканяна, М.И. Иткина. М.: Мысль, 1994. 588 с.
- Кант, 2001 – Кант И. Критика способности суждения / Пер. с нем. Н.М. Соколова, сверка М.И. Левиной, Н.В. Мотрошиловой, Т.Б. Длугач // Кант И. Сочинения на русском и немецком языках / Отв. за издание Н.В. Мотрошилова, Б. Тушлинг. Т. 4. М.: Наука, 2001. 1115 с.
- Кант, 2006 – Кант И. Критика чистого разума / Пер. с нем. Н.О. Лосского, сверка Ц.Г. Арзаканяна, М.И. Иткина, Н.В. Мотрошиловой // Кант И. Сочинения на русском и немецком языках / Отв. за издание Н.В. Мотрошилова, Б. Тушлинг. Т. 2. Ч. 1. М.: Наука, 2006. 1081 с.
- Crusius, 1762 – Crusius Chr.A. Weg zur Gewißheit und Zuverlässigkeit der menschlichen Erkenntniß. Leipzig: Gleditsch, ²1762. 1152 S.

- Crusius, 1766 – *Crusius Chr.A.* Entwurf der nothwendigen Vernunft-Wahrheiten, wiefern sie zu den zufälligen entgegen gesetzt werden. Leipzig: Gleditsch, ³1766. 1000 S.
- Kant, 1781 – *Kant I.* Kritik der reinen Vernunft. Riga: Hartknoch, ¹1781. 856 S.
- Kant, 1787 – *Kant I.* Kritik der reinen Vernunft. Riga: Hartknoch, ²1787. 884 S.
- Kant, 1870 – *Kant I.* Ueber die Form und die Prinzipien der sinnlichen und der Verstandeswelt // Immanuel Kant's kleinere Schriften zur Logik und Metaphysik / Hrsg. und erläutert von J.H. von Kirchmann. Abt. 2. Berlin: Heimann, 1870. S. 131–176.
- Kant, 1894 – *Kant I.* Dissertation on the Form and Principles of the Sensible and Intelligible World // Kant's inaugural dissertation of 1770 / Transl. with an Introduction and Discussion by W.J. Eckhoff. New York: Columbia College, 1894. P. 43–85.
- Kant, 1912 – *Kant I.* De mundi sensibilis atque intelligibilis forma et principiis // Kant's Gesammelte Schriften / Hrsg. von der Königlich Preußischen Akademie der Wissenschaften. Bd. II. Berlin: Georg Reimer, ²1912. S. 385–420.
- Kant, 1913 – *Kant I.* Kritik der Urteilskraft // Kant's Gesammelte Schriften / Hrsg. von der Königlich Preußischen Akademie der Wissenschaften. Bd. V. Berlin: Georg Reimer, ²1913. S. 165–486.
- Kant, 1923 – *Kant I.* Refl. 1486 // Kant's Gesammelte Schriften / Hrsg. von der Königlich Preußischen Akademie der Wissenschaften. Bd. XV. Berlin: De Gruyter, 1923. S. 706–716.
- Kant, 1924 – *Kant I.* Refl. 1639 // Kant's Gesammelte Schriften / Hrsg. von der Königlich Preußischen Akademie der Wissenschaften. Bd. XVI. Berlin: De Gruyter, 1924. S. 62.
- Kant, 1983 – *Kant I.* Metaphysik K₃ // Kant's Gesammelte Schriften / Hrsg. von der Königlich Preußischen Akademie der Wissenschaften. Bd. XXIX. Berlin: De Gruyter, 1983. S. 941–1040.
- Kant, 1992 – *Kant I.* On the form and principles of the sensible and the intelligible world // *Kant I.* Theoretical philosophy, 1755–1770 / Transl. and ed. by D. Walford in collaboration with R. Meerbote. Cambridge: Cambridge University Press, 1992. P. 373–416.
- Kant, 1998 – *Kant I.* Über die Form und die Prinzipien der sinnlichen und der Verstandeswelt / Übers. von N. Hinske // *Kant I.* Werke in sechs Bänden / Hrsg. von W. Weischedel. Bd. 3. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1998. S. 7–107.
- Müller, 1726 – *Müller J.F.* Der durch die wahre Philosophie, zu seiner Schande, andern aber zur Warnung, entblöste und demasquirte falsche Philosophys, oder Antwort auf M. Dan. Straehlers Prüfung der Wolffianischen Metaphysique. S. 1., 1726. 168 S.
- Strähler, 1723 – *Strähler D.* Der angestellten Prüfung der vernünfftigen Gedancken von Gott, der Welt und der Seele des Menschen, auch allen Dingen überhaupt, zweytes Stück. Leipzig: Krebs, 1723. 188 S.
- Wolff, 1738 – *Wolff Chr.* Psychologia empirica, methodo scientifica pertractata, qua ea, quae de anima humana indubia experimentiae fide constant, continentur et ad solidam universae philosophiae practicae ac theologiae naturalis tractationem via sternitur. Frankfurt: Renger, ³1738. 920 S.

Figurative, Symbolic and Contemplative Cognition. Part II: From Chr.A. Crusius to I. Kant

Alexei N. Krouglov

Russian State University for the Humanities. 6 Miusskaya square, Moscow, 125047, Russian Federation; e-mail: akrouglov@mail.ru

This paper is the second part of the investigation. Chr. A. Crusius in the “Way to the Certainty and Adequacy of Human Knowledge” introduced the most developed alternative view to Wolffian position regarding symbolic and contemplating correlation. He preferred the contemplating cognition and tied its functioning with imagination. Kant in the “Critique of Pure Reason” brings about a terminology revolution and changes the style of the problem consideration. He turns the proceeding from F. Viet and G.W. Leibniz’s art “speciosa generalis”, which was earlier thought as symbolic, into a priori figurative synthesis. Following the changes in the nature of sensibility and understanding treatment, Kant rejects the opposition of intuitive or contemplative and symbolic in favour of the following oppositions: intuitive is opposed to discursive, while the contemplation is opposed to the understanding concept. The figurative synthesis as a result of transcendental faculty of imagination instead of the former empirical imagery creates the schematic possibility of the empirical

image per se. This well-developed Kant's position unwittingly put aside Wolff's program of reduction of the symbolic cognition to quasi-intuitive one. However, today this program can have a practical importance and enrich the problem of the cognition visibility.

Keywords: symbolic cognition, intuitive cognition, figurative synthesis, speciosa, imagination, image, scheme, G.W. Leibniz, Chr. Wolff, Chr.A. Crusius, I. Kant

References

Crusius Chr.A. *Entwurf der nothwendigen Vernunft-Wahrheiten, wiefern sie zu den zufälligen entgegen gesetzt werden*. Leipzig: Gleditsch, ³1766. 1000 S.

Crusius Chr.A. *Weg zur Gewißheit und Zuverlässigkeit der menschlichen Erkenntniß*. Leipzig: Gleditsch, ²1762. 1152 S.

Kant I. De mundi sensibilis atque intelligibilis forma et principiis. In: *Kant's Gesammelte Schriften*, hrsg. von der Königlich Preußischen Akademie der Wissenschaften. Bd. II. Berlin: Georg Reimer, ²1912. S. 385–420.

Kant I. Dissertation on the Form and Principles of the Sensible and Intelligible World. In: *Kant's inaugural dissertation of 1770*, translated with an Introduction and Discussion by W.J. Eckoff. New York: Columbia College, 1894. P. 43–85.

Kant I. *Kritik der reinen Vernunft*. Riga: Hartknoch, ¹1781. 856 S.

Kant I. *Kritik der reinen Vernunft*. Riga: Hartknoch, ²1787. 884 S.

Kant I. Kritik der Urteilskraft. In: *Kant's Gesammelte Schriften*, hrsg. von der Königlich Preußischen Akademie der Wissenschaften. Bd. V. Berlin: Georg Reimer, ²1913. S. 165–486.

Kant I. *Kritika chistago razuma* [Critique of Pure Reason], transl. by M.I. Vladislavlev. St.-Petersburg: Tip. Tiblena Publ., 1867. 627 p. (In Russian)

Kant I. *Kritika chistago razuma* [Critique of Pure Reason], transl. by N.M. Sokolov. St.-Petersburg: Izdanie knizhnogo magazina M.V. Popova Publ., 1897. 665 p. (In Russian)

Kant I. *Kritika chistago razuma* [Critique of Pure Reason], transl. by N.O. Losskij. Petrograd: Tipografiya M.M. Stasyulevicha Publ., 1915. 464 p. (In Russian)

Kant I. *Kritika chistogo razuma* [Critique of Pure Reason]. In: Kant I. *Sochineniya* [Works], ed. by A.V. Gulyga. In 8 vols., vol. 3. Moscow: Choro Publ., 1994. 735 p. (In Russian)

Kant I. *Kritika chistogo razuma* [Critique of Pure Reason]. In: Kant I. *Sochineniya na russkom i nemeckomazykah* [Works in Russian and German], ed. by N.V. Motroshilova, B. Tushling. In 5 vols., vol. 2.1. Moscow: Nauka Publ., 2006. 1081 p. (In Russian)

Kant I. *Kritika chistogo razuma* [Critique of Pure Reason]. Moscow: Mysl', 1994. 588 p. (In Russian)

Kant I. *Kritika sposobnosti suzhdeniya* [Critique of Judgment]. In: Kant I. *Sochineniya na russkom i nemeckomazykah* [Works in Russian and German], ed. by N.V. Motroshilova, B. Tushling. In 5 vols., vol. 4. Moscow: Nauka Publ., 2001. 1115 p. (In Russian)

Kant I. *Metaphysik K₅*. In: *Kant's Gesammelte Schriften*, hrsg. von der Königlich Preußischen Akademie der Wissenschaften. Bd. XXIX. Berlin: De Gruyter, 1983. S. 941–1040.

Kant I. *O forme i nachalah mira chuvstvennago i umopostigaemago* [On the Form and Principles of the Sensible and the Intelligible World], transl. by N.O. Losskij. St.-Petersburg: Tipografiya M.M. Stasyulevicha Publ., 1910. 40 p. (In Russian)

Kant I. O forme i principah chuvstvenno vosprinimaemogo i intelligibel'nogo mira [On the Form and Principles of the Sensible and the Intelligible World]. In: Kant I. *Sochineniya* [Works]. In 6 vols., vol. 2. Moscow: Mysl' Publ., 1964, pp. 381–426. (In Russian)

Kant I. O forme i principah chuvstvenno vosprinimaemogo i intelligibel'nogo mira [On the Form and Principles of the Sensible and the Intelligible World]. In: Kant I. *Sochineniya* [Works], ed. by A.V. Gulyga. In 8 vols., vol. 2. Moscow: Choro Publ., 1994, pp. 277–320. (In Russian)

Kant I. On the form and principles of the sensible and the intelligible world. In: Kant I. *Theoretical philosophy, 1755–1770*, transl. and ed. by D. Walford in collaboration with R. Meerbote. Cambridge: Cambridge University Press, 1992. P. 373–416.

Kant I. Refl. 1486. In: *Kant's Gesammelte Schriften*, hrsg. von der Königlich Preußischen Akademie der Wissenschaften. Bd. XV. Berlin: De Gruyter, 1923. S. 706–716.

Kant I. Refl. 1639. In: *Kant's Gesammelte Schriften*, hrsg. von der Königlich Preußischen Akademie der Wissenschaften. Bd. XVI. Berlin: De Gruyter, 1924. S. 62.

Kant I. Über die Form und die Prinzipien der sinnlichen und der Verstandeswelt, übers. von N. Hinske. In: Kant I. *Werke in sechs Bänden*, hrsg. von W. Weischedel. Bd. 3. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1998. S. 7–107.

Kant I. Ueber die Form und die Prinzipien der sinnlichen und der Verstandeswelt. In: *Immanuel Kant's kleinere Schriften zur Logik und Metaphysik*, hrsg. und erläutert von J.H. von Kirchmann. Abt. 2. Berlin: Heimann, 1870. S. 131–176.

Müller J.F. *Der durch die wahre Philosophie, zu seiner Schande, andern aber zur Warnung, entblösete und demasquirte falsche Philosophvs, oder Antwort auf M. Dan. Strahlers Prüfung der Wolffianischen Metaphysique*. S. 1., 1726. 168 S.

Strähler D. *Der angestellten Prüfung der vernünftigen Gedancken von Gott, der Welt und der Seele des Menschen, auch allen Dingen überhaupt, zweytes Stück*. Leipzig: Krebs, 1723. 188 S.

Wolff Chr. *Psychologia empirica, methodo scientifica pertractata, qua ea, quae de anima humana indubia experimentiae fide constant, continentur et ad solidam universae philosophiae practicae ac theologiae naturalis tractationem via sternitur*. Frankfurt: Renger, ³1738. 920 S.